

Петр

Абатин

Когда везде слышен смех

Петр Абатин

Когда везде слышен смех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912334

ISBN 9785447486990

Аннотация

«Когда везде слышен смех» – поразительная история о жизни, которая не видна с туристических троп. Рассказ о людях, что живут за гранью современности, вдали от суеты больших городов. Книга-мечтание о переплетении человеческих судеб, о трагедии, любви и торжестве воли к жизни. Место действия и главный герой – Санторини, самый романтичный уголок Средиземноморья, остров, овеянный легендами и мифами.

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Когда везде слышен смех

Петр Абатин

© Петр Абатин, 2016

© Марина Лобанова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дождливая взвесь плотным маревом повисла в воздухе. Она окутывала все вокруг, делая силуэты зданий и машин неясными и призрачными, обращая реальность в тоскливую сонную сказку. Герои ее – обреченные образы, таились всюду в призрачном тумане начинающегося дня. Серость удручала. Лишь только какие-то слепые надежды могли вести вперед, поднимать с глубин души радостные порывы, пробуждать их ото сна. Благодаря им, возможно, и жила Москва в эти первые летние дни. Спешила, суетилась, гудела. Люди старались не замечать грусть жизни, пробегали мимо друг друга, запирались в машинах, изолировались от всего. Они стремились вперед, постоянно подбадривая себя, закрывая на серость глаза, зная тем не менее, что она есть и никуда не уйдет. Останется навсегда.

Движение на Ленинградке замерло. В районе Химок, когда до поворота на Шереметьево оставалось совсем немного,

поток встал. Очевидная закономерность жизни, где скорость возведена в культ, а разум затуманен принципами и тщеславием. Трассы федерального значения не справлялись с нагрузкой, задыхаясь от наплыва автомобилей. Парадокс. Там, где скорость и своевременность были так необходимы, они совершенно не могли быть. Жизнь текла по какому-то странному сценарию, правка которого была доступна лишь некоему всевышнему нечто, никак не реальным людям. Среди них, человека, имеющего возможность изменить ситуацию в лучшую сторону, казалось, попросту не существовало. Всегда нужно было время, ожидание грядущего порядка. Но только не здесь, не сейчас. Когда-нибудь потом. Может быть, завтра. Или, наверное, никогда.

В одной из машин, застрявших в пробке, такси желтого цвета, марки «Шевроле», на заднем сиденье расположились две подруги. Девушки изрядно нервничали из-за пробки, надеясь как можно скорее попасть в аэропорт.

– Слушайте, – обратилась одна к водителю, – а нельзя как-нибудь объехать пробку?

– По воздуху? – съязвил водитель, не оборачиваясь. Это был мужик неопределенного возраста, изредка поглядывающий симпатичных пассажиров в зеркало заднего вида.

– Нет, ну может как-нибудь? У нас же самолет, – вклинилась вторая.

– Ну а у меня автомобиль. Что я с этим сделаю? Эти уроды понапродавали в кредит, а дороги строить не хотят. По-

смотрите сколько их, – он развел руками, отпустив руль. – Ведь даже пять лет назад такого не было. Куда катится мир? Встанем скоро в мертвую пробку, это точно.

Девушки отвернулись – каждая в свое окно. Такси внезапно тронулось и набрало скорость.

– Во, поехали, – одобрительно сказал водитель. – Значит, не все так плохо. Опять какие-нибудь ушлепки цепанулись слегка и стоят теперь на две полосы, ждут ГАИ. Я бы таких штрафовал не по-детски. Прямо вот на год бы прав лишил, чтоб неповадно было.

Причины внезапной пробки они так и не увидели. Поток каким-то образом разогнал, стал менее плотным, таксист без поворотника резко перестроился в правый ряд и свернул на Шереметьевское шоссе.

– С вас тысяча восемьсот рублей, – сказал он, подъезжая к терминалу.

– Картой плачу, – сказала одна из подруг.

– Картой, – передразнил водитель. – Картой, так картой.

До вылета оставалось меньше часа. Шереметьево гудело как улей, представляя собой некий шумный Вавилон новейшего времени, где сплелись воедино технологии и примитивные человеческие инстинкты. Массовое скопление людей многих рас и религий всегда сродни какой-то древней структуре общества, где человек сам по себе лишь часть общего. Зажатые в рамки очередей и коридоров, люди принимали на себя диктат закона и новаций, таким образом ста-

новьясь подвластным системе примитивным элементом, вынужденным подчиняться и бояться.

Одна из девушек, Света, именно боялась. Она боялась опоздать, затем боялась потерять багаж, но больше всего боялась лететь. Этот инстинкт, страх, таящийся внутри, не проявлялся снаружи, но совершенно неприятно щекотал нервы глубоко внутри. Подавая паспорт улыбающемуся клерку, она успокаивалась. Отпуская чемодан по ленте, она успокаивалась. Затем бегом к своему выходу, она забывалась. Таможенник строгий – но улыбается ей сквозь стекло – она успокаивалась. Приветливые стюардессы и стюарды, уверенные, опытные, она успокаивалась.

Света и Маша уселись в эконом-классе на 28 ряду.

– В дютик не успели, жаль, – сказала Маша, севшая у окна.

– Я взяла с собой две бутылки «Asti» из дома, – ответила Света.

– Да я тоже прихватила вискарик, но хотелось перед полетом, по традиции. И в кафе никакого не зашли. Раньше надо было выходить, конечно. Кто ж, блин, знал, что такие пробки.

– Вот уж традиция – бухать в аэропорту. Потерпи, через четыре часа будем на месте.

– Ага, – довольно улыбнулась Маша. – Ты сама-то чего такая напряженная? Летать боишься что ли? Не стоит. По статистике дорога до аэропорта намного опасней самого полета.

– Да знаю я эту статистику, – кивнула Света. – Просто

не очень люблю, когда много народу и мало места.

– Не парься, подруга, – сказала Маша. – Сейчас будем взлетать, разнесут карамельки. Потом тошнотная еда. В общем, все по-порядку. Знаешь, я ни разу, сколько летаю, не видела ничего другого, никаких происшествий. Скука эти самолеты. Все однообразно до крайности. Даже эти предполетные инструкции от стюардесс. Ну, какая тоска, аж в сон клонит. Я, пожалуй, вздремну.

– Вздремни, – ответила Света, пристегнулась и достала из кармана кресла журнал. Самолет дрогнул и двинулся по полосе, стюардессы начали инструктаж.

Она листала страницы, а сама не видела их. Перед глазами проносились образы собственной жизни, такой простой и скучной. Прямо как этот самолет, говоря словами Маши. И если бы не эта случайно подвернувшаяся подруга, не ее предложение полететь вместе, кто знает, чем бы Света сейчас занималась. Сидела бы в офисе скорее всего. Вряд ли бы взяла отпуск просто так, да и вряд ли бы сама решилась лететь куда-то одна. Могла бы съездить в гости к маме, сходить в кино, прогуляться по центру. Возможно, съездила бы в Питер. И только. В остальном все было бы как обычно. Работа, дом, снова работа.

Света глянула на Машу. Та откинула на бок голову и спала. Или делала вид. В ушах наушники, на глазах маска для сна. Погружена в себя.

Санторини.

Что это за место, куда она так внезапно согласилась лететь? Еще позавчера она и не думала об этом, а теперь сидела в самолете и держала в руках корпоративный журнал авиакомпания. Света тряхнула головой, прогоняя мысли.

Самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу, остановился, затем стал резко набирать скорость перед взлетом. Света машинально вцепилась в подлокотник, посмотрела еще раз на безразличную позицию Маши и закрыла глаза.

Самолет оторвался от земли.

Глава 1

Старый Андреас проснулся по обыкновению рано. Сквозь неплотно закрытые ставни пробивался тусклый утренний свет. Снаружи, над входом, раскачиваемый легким морским бризом, поскрипывал ржавый фонарь. Вдалеке вскрикнула чайка. Старик встал с лежанки и, кряхтя, направился в угол комнаты, к эмалированной раковине. Малыш Кростос еще спал. Воздух в комнате был сухой и спертый.

Вода гулко падала из крана на дно раковины. Старик обильно смочил руки и лицо, затем стал растирать тело. Подмышки, грудь, живот. Он радостно улыбался. Водные процедуры доставляли ему несказанное удовольствие. Кростос же ненавидел эти утренние шумные забавы деда. Он натянул на голову одеяло и недовольно застонал.

– Вставай, парень, – сказал Андреас. – Лето – лучшее время в детские годы, а ты так долго спишь. Солнце уже встало на той стороне острова. Сейчас ему открывается отличный вид на отели и пляжи.

На последних словах старик немного погрузился и взял со стула штаны из грубой ткани. Кростос не показывал головы из-под простыни. Могло сложиться ощущение, что он не слышал деда и спал. Но это было не так. Разбуженный шумом воды и кряхтением, он уже не мог заснуть. Так бывало каждое утро, и это уже вошло в привычку. Он молча лежал

под серой простынею, провожая сновидения.

Старик накинул рубашку, заправил ее в штаны и застегнул ремень. Он нахлобучил на голову округлую кепи, бывшую некогда белой, и подошел к постели внука.

– Вставай, говорю. Сегодня я вернусь поздно, а у тебя будет несколько интересных дел. Ты ведь поможешь мне? наших ребят нужно хорошенько почистить перед работой. Потом сытно накормить...

Мальчишка вдруг скинул с головы простыню и с надеждой посмотрел на деда. В его глазах вспыхнула небывалая радость. Ленисть, одолевавшая совсем недавно, сгинула прочь. Он вскочил на ноги и побежал к раковине. На ходу он схватил полосатую рубашку и набросил на тело.

– Ура! – крикнул он. – Я иду с тобой. Сегодня я буду тебе помогать. Как же я рад, когда ты берешь меня.

– Нет, – оборвал его старик и улыбнулся. Его кустистые седые усы растянулись на лице. – Ты не понял, малыш. Ты почисти и накорми, а работать я пойду один. Но свое дело ты должен сделать сам. А потом в школу.

Мальчик убрал руки от крана и обернулся. Он серьезно посмотрел на деда и сказал:

– Вот так всегда. Мне достается скукотища, а тебе самое интересное.

– Но ты еще маленький для интересной работы, – продолжал улыбаться дед.

– А я не хочу быть маленьким, – упорствовал Крестос. –

Я хочу быть взрослым. Я уже могу.

– Можешь, можешь. Я же не спорю. Но пока ты учишься – ты лишь ученик. Я твой учитель. Поверь мне – то, что ты познаешь в учении хоть и сложно, хоть и скучно, но очень пригодится тебе в настоящем деле. Верь мне, Кростос, следующим летом ты сам будешь водить мулов.

Глаза мальчика, до этого замутненные обидой и непониманием, вдруг снова вспыхнули, и он с надеждой посмотрел на дедушку. В этом взгляде старик невольно узрел кто-то, что уже когда-то видел. Такой же яркий и честный взгляд. Такое же искреннее детское самопожертвование.

«Мальчишка весь в отца. Как жаль, что он этого не видит».

Откинув мимолетную грусть, Андреас присел на потерянный табурет и сказал мальчику:

– Умойся и одевайся. Я подожду тебя на улице. Со всем необязательно нам с тобой ссориться погожим летним утром. Сейчас я раскрою ставни, распахну окно, и дом наполнится солнцем и воздухом. Потом мы с тобой пойдем к стойлам. Надо торопиться, пока туристы не проснулись, и пока стадо Хэйдеса не обгадило всю дорожку.

Кростос засмеялся, вспомнив про скользящих на навозе мулов и ругань испуганных туристов, едущих верхом.

Старик встал, подтянул штаны, застегнул ремень, посильнее нахлобучил кепи, толкнул дверь. Та открылась с низким протяжным скрипом, отдаленно напоминающим звуча-

ние губной гармошки. Он распахнул ставни снаружи и закрепил их на стенах, открыл фрамугу. Затем повернулся и посмотрел вдаль. Настолько, насколько позволяло его зрение. Очков он не носил, никогда не надобилось, но в последнее время что-то и его глаза стали подводить. Так же, как и других, подобных ему, стариков. Каким бы могучим не было здоровье, а годы все же брали свое. Андреас вздохнул, глядя на синеву необъятного моря поверх скалистого берега. У Неа Камени, островка справа, он заметил большой круизный лайнер, медленно вползающий в кальдеру Санторини.

Скрипнула дверь и за спиной показался мальчик. Он был в полосатой рубашке и вельветовых шортиках. Коричневые сандалии на его ногах были в ужасном состоянии – со стертыми подошвами и надорванными ремешками.

– Скоро начнут шастать, – с легким пренебрежением указал на крышу дома старик и запер дверь. Мальчик понял, о чем говорил дед. Каждое утро Андреас не упускал шанса поворчать на тему ходелов по их дому. Особенно его раздражала постоянно осыпающаяся штукатурка. Кто ж мог теперь сказать, что было в мыслях у тех, кто строил дом прямо в скале под дорогой? Но пока было тихо. Туристы из отелей и с причаливающих лайнеров еще не нагрянули, слишком рано. Можно было спокойно идти и готовиться к работе. Таковой была жизнь старого островитянина и его внука. Ежедневно, с тех самых пор, как Крестос жил с дедом, они каждое утро, лишь солнце вставало с другой стороны остро-

ва, выходили из дому и шли к стойлам мулов. Туда, откуда начинался рабочий день старика.

Стадо в десять голов – лишь жалкая часть того, что некогда у него имелось. В былые времена Андреас владел тридцатью головами и мог похвастать тем, что его животные самые востребованные на виноградниках. А что теперь? Десять несчастных ушастых, вынужденных под улюлюканье и хохот везти упитанных туристов сначала вверх, потом вниз по извилистой каменной лестнице. Развлечение в духе времени. Весь остров превратился в один сплошной аттракцион. И нет, Андреас нисколько не противился тому, он всегда с достоинством и стойкостью принимал перемены. Он знал, что у всего есть свое место и время, а также форма. Всему присущи изменения. И в том, что его родной остров становился подвижным и шумным он видел лишь хорошее, радуясь смеху и музыке. Только иногда пару раз в день он позволял себе поворчать на топтунов по крыше, да ненасытных пухлых детишек, осаждающих его мулов. Но что говорить – Андреас давно не знал другой работы, и его еда, как и еда животных, покупалась на деньги, заработанные извозом туристов по пешеходному серпантину города Фира.

Старик и мальчик поднялись по лестнице. Прошли узкими улочками вдоль кафе, ресторанов и таверн. Миновали фасад фешенебельного отеля, расположившегося в старинном особняке 18 века. В этой части города не было машин. Двое людей на этих улицах еле-еле расходились.

С одной из церквей донесся одинокий звон колокола. Он пролетел над улочками и растворился в небе. Андреас перекрестился. Кростос последовал его примеру. Дед и внук прошли через мандариновый сад, принадлежащий теперь невесть кому, и вышли на тропинку, ведущую мимо стоянки автомобилей в поле к низким деревянным постройкам.

– Сегодня я не стану тебе помогать, – сказал старик. Лицо его от ходьбы в гору покрылось потом. Несмотря на раннее утро, воздух уже был сух и прогрет. С моря задувал соленый ветер.

– Я справлюсь, деда, – уверенно сказал мальчик и устремил взгляд вперед. Старик же наоборот глянул в небо и повернул голову налево, следя за заходящим на посадку самолетом. Серебристые крылья ярко сверкнули в лучах восходящего солнца.

Глава 2

– Да, мне уже двадцать девять! – Света ходила по гостиничному номеру взад и вперед. – И ты прекрасно понимаешь, что из всего этого вытекает.

Маша вальяжно расселась на одной из кроватей и медленно выпускала изо рта сигаретный дым. В раскрытую балконную дверь влетал свежий морской ветер, раскидывая в разные стороны тяжелые светонепроницаемые шторы.

– Из всего этого вытекает, что ты зря переживаешь, – сказала она и затянулась. – Мне столько же. И что? Я в принципе спокойно к этому отношусь. Конечно, у кого-то все иначе. Но я – это я. И как кто-то жить не желаю. Мы приехали отрываться, искать. Так какого хрена ты бунтуешь, дорогая?

– Я бунтую? – Света остановилась и посмотрела на собеседницу. – Я не бунтую. Я просто задолбалась отрываться. Честно. Сегодня иди одна, Маш. Я не обижусь, и ты не вздумай.

– Одна? Вот как? А ты же что собралась делать?

– А не важно. Буду гулять, спать, посижу в тихом кафе на набережной. Пойми меня, пожалуйста.

Маша встала с кровати, затушила сигарету в стеклянной пепельнице и сказала:

– Хорошо. Твой выбор, твое дело. Но мы ведь летели сюда вместе. Значит, и ходить должны везде вместе.

– Пойдем со мной. Я ведь только «за», – сказала Света. Маша расхохоталась.

– Ну, уж нет. Я по полгода сижу в офисе. Тоска смертная. Предлагаешь и здесь киснуть? Это слишком. У нас еще девять дней в этом греческом раю, и я не собираюсь их просиживать в кафешках, да на пляжах.

– Почему киснуть? По-твоему – все, что не связано с клубами и тусовками – скучно? Совсем так?

– У каждого своя правда. Но знала бы я, что ты так повернешь...

– И что? Ты бы не согласилась со мной ехать?

– Именно.

– Значит, так тому и быть, – слишком спокойно для себя сказала Света. – Сейчас я ухожу. Когда приду – не знаю. Если что, звони.

– Договорились.

Маша подошла к балкону и прикрыла дверь, затем резко задвинула шторы. В номере стало темно. Света уже была одета. Она просто схватила соломенную шляпку с тумбочки, сумку и вышла, хлопнув дверью.

– Дура, – сквозь зубы сказала она.

– Идиотка, – так же тихо сказала Маша и улеглась на кровать.

«Что мне делать? Взять машину или на автобусе? А куда ехать? Чем вообще заняться?»

Проходя по холлу отеля, Света остановилась у большого

зеркала, отражающего ее в полный рост. Худощавая и стройная, она была одета в белые короткие шорты, черную майку и широкоую соломенную шляпу, на ногах босоножки. Она приблизилась. В сумраке холла свое лицо ей показалось каким-то предельно задумчивым. Большие голубые глаза смотрели печально. Она тряхнула головой, сняла шляпу, натянуто улыбнулась себе. Повернулась в профиль. Чуть вздернутый носик, полные губы. Слегка волнистые волосы пшеничного цвета спадали на плечи. Света поправила их рукой и снова надела шляпу. Она перевесила пляжную сумку из-за спины, порылась в ней и достала солнечные очки. Снова улыбнулась своему отражению и одела их. Пошла к выходу. Минувя стойку ресепшен, поздоровалась с администратором, пожилой суровой женщиной, взяла пару леденцов из вазочки на столике и потянула на себя входную дверь. В лицо ударил яркий солнечный свет.

Она вышла на большое крыльцо, отделанное мрамором и искусственным камнем. Отсюда открывался великолепный вид на море и прибрежную деревушку Камари, сплошь усеянную отелями, ресторанами и кафе, мирно соседствовавшими с домами местных жителей. По дорогам, несмотря на ранний час, уже сновали многочисленные машины и скутеры, к пляжу тянулись разрозненные группки отдыхающих.

Спустившись по лестнице, Света двинулась по дорожке, ведущей к набережной, где рассчитывала обрести цель на сегодняшний день. Что-то гнало ее прочь от номера, от же-

лания выспаться после бессонной ночи в клубе. Она стремилась куда-то, но пока не знала куда. Разговор с подругой все еще волновал ее, мысли крутились возле образа самоуверенной и такой несговорчивой Маши. Бег времени слишком удручал. Его неумолимый безостановочный ход подталкивал делать что-то, что, возможно, должно было определить судьбу. Чересчур грубый разговор был частью этих дум о той жизни, в которой не оставалось ничего, кроме себя – одинокой и такой несчастной в глубине души.

Два года минуло с их расставания. Он для нее оказался не тем, а она не той для него. И время, что они прожили вместе, стало для обоих периодом взросления, сбора проб и ошибок. Где он теперь она не знала, да и не хотела знать. Придерживая сумку, сползающую с плеча, она шла и улыбалась, несмотря на то, что будущее ей казалось таким туманным.

Не дойдя до набережной, она свернула на улочку и прошла мимо аляпистой таверны «Mama mia», с крыльца которой зазывала на ломаном русском приглашал ее зайти позавтракать. Из здания струился аромат жаренного на гриле мяса.

«Нет, спасибо, – подумала она. – Вчерашний завтрак был не слишком хорош для той цены, что они запросили. Да и куда приятнее сидеть за столиком на набережной, любуясь морем и вдыхая свежий воздух».

Она остановилась возле здания с объемной вывеской

«Rent-a-car». Взор ее сразу упал на небольшой двухместный «Смарт» серебристого цвета. Особой радостью для нее стало то, что милая многоцветная кошечка вышла ей навстречу, будто презентуя машину. Она присела на корточки и погладила животное.

– Hello, – услышала она над ухом. – Can I help you? Wanna rent a car?¹

Света подняла голову и увидела сухопарого пожилого мужчину. Он мило улыбался и указывал на тот самый «Смарт», что ей приглянулся. Она задумалась на миг, подбирая слова и ответила:

– You know, yes. I want this car. How much it?²

– For one day – 40 euro. For two – 75, for three – 100. Automatic transmittion, madam.³

«Madam».

Она нахмурилась.

– Ok, – сказала она и поднялась. Кошка отправилась по своим делам, а мужичок вежливо пригласил пройти внутрь.

Спустя десять минут, она уже выезжала из Камари, следуя по дороге в сторону Фиры, столицы Санторини. Туда, где,

¹ Здравствуйте! Могу вам помочь? Хотите арендовать машину? (разг. англ. здесь и далее)

² Вы знаете, да. Я хочу эту машину. Сколько стоит?

³ За один день – 40 евро, за два – 75, за три – 100. Автоматическая трансмиссия, мадам.

как она ожидала – просто обязано случиться нечто такое, что позволит ей по-новому взглянуть на мир и людей.

«Эта поездка, – думала она. – Все было притянуто за уши, спланировано Машкой. Она одна вечная тусовщица и балагурка, неустанная и неумная. Она, не найдя себе пары, пригласила меня».

«Это, – говорила Маша, – отличное место для отдыха и веселья. Нигде больше нет таких сочетаний. Красота и отжиг в одном месте».

Но Света оказалась против.

«Ни отжига, ни веселья толком не было за четыре дня. Чего можно ожидать от ночных клубов? Пьяных плясок и интимных зажиманий в полумраке? Ничего не изменилось со времен школьных дискотек. Совершенно».

Находясь в состоянии полного опустошения невозможно получать удовольствия от замены одной пустоты на другую. Света не знала чего хотела, но уж точно не того, что предлагала ей Маша. Теперь она это осознала. Сейчас, спустя четыре дня с приезда сюда, она готова была послать к чертям все, что было обещано, и на что рассчитывала. Она хотела быть собой. Возможно, впервые за долгое время.

Скучная работа бухгалтером, пустая квартира, опостылевшая ежедневная дорога туда и обратно. Пустые лица, пустые окна вокруг. Все мимо, мимо. Все пролетало, все мелькало, проносясь сквозь нее, не оставляя в душе ни единого ценного воспоминания. Все было невпопад.

Она резко нажала на тормоз, уходя от столкновения с выскочившим на дорогу квадроциклом. Китаец в желтой футболке и без шлема радостно улыбнулся ей, помахал рукой и умчался вдаль.

– Придурок, – отдышавшись, сказала она и медленно двинулась дальше.

Солнце тем временем подбиралось к зениту, а легкий утренний бриз превращался в порывистый ветер. За окнами мелькали приземистые виноградники и кубические строения, изредка виднелись синие купола церквушек. Санторини проживал еще один день. Один краткий миг своей многовековой истории.

Глава 3

Кристос сидел за партой и мечтательно смотрел в окно. Он покусывал кончик карандаша и совершенно не слушал учительницу. Ему чудились дальние странствия, великие приключения. Он знал, что когда-нибудь объездит весь мир, сможет сделаться богатым и по-настоящему счастливым. Безмерно. Деду не придется каждый день гонять мулов по дороге вверх и вниз, и оба они заживут спокойно и весело на своей земле. Он мечтал о тех временах, когда у Андреаса будет свой виноградник, и мулы смогут работать там, где и должны...

– Кристос, – вырвал из мечтаний голос учительницы. – Ответь нам.

Мальчик тряхнул головой и резко встал. Со всех сторон слышались смешки одноклассников.

– Ты опять летаешь в облаках? – строго спросила учительница. – Ответь мне. Ты слышал, о чем я сейчас спрашивала?

Невысокая сморщенная смуглая женщина сурово смотрела на него поверх узких очков. Кристос молчал. Он действительно летал в облаках и конечно не слышал, что она говорила. Нет, чисто физически он различал звуки, но что-либо разобрать в них, запомнить, не имел никакой возможности. Мальчик покачал головой.

– Я не знаю, – честно сказал он.

Дети опять засмеялись.

– Ты никогда ничему не научишься, если не будешь слушать, что тебе говорят, и так ты не сможешь ничего добиться в жизни. Тебе придется быть погонщиком мулов, как твой дед...

Глаза мальчика вспыхнули в один миг, лицо сделалось ярко пунцовым.

– А чем плох погонщик мулов? – дерзко спросил он. – Мой дед хороший человек, его работа радует людей.

– Его работа радует туристов, – спокойно ответила учительница. – Наша история, мальчик, уже никому не нужна. Благодаря таким вот радостям мы и стали обслуживать богатеев из разных стран, сами опускаясь все ниже.

– Но наши мулы любят людей, – уже с обидой в голосе сказал Кростос.

– Ваши мулы, как и все другие мулы лишь инструменты в руках людей. Что им сказано будет, то они и сделают. Не спорь со мной, а то за дерзость отведу к директору. Садись на место.

Кростос повиновался. Не впервые он слышал подобные упреки. Да, им легко говорить. Заслуженные учителя, дети обеспеченных родителей. А кто он? Сирота, внук погонщика мулов. Старика, гонящего оседланных животных за 5 евро в одну сторону. Мальчик глубоко вздохнул. Вдруг его кто-то сильно ущипнул за руку, он резко отдернул ее.

– Что? Больно? – послышался шипящий голос с задней

парты. – Ничего. После уроков будет другой разговор.

Кристос невольно поежился. Он так не любил конфликтовать с одноклассниками. Но некоторые из них просто считали святой обязанностью объяснить ему – что хорошо, а что не очень. Нередко его били, еще чаще обзывали. Из-за присущей ему задумчивости он не раз и не два оказывался в положении белой вороны. Дети дразнили его и обзывали «навозником» за то, что однажды он пришел в школу в слегка грязных штанах, не заметив, что испачкал их, когда был в стойлах у мулов.

Он всегда убегал, вырываясь из цепких объятий многочисленных рук. Он бежал от окриков и оскорблений. И всегда слезы ручьями текли по щекам. Дать отпор он никак не мог. Кристос уходил далеко на откос скалы, забирался в недоступное место, которое звал своим «гротиком», и сидел там долго, пока слезы не высохали, а сам он не принимал все как есть, посылая обиды куда подальше. Улыбаясь, хоть и с грузом дня, тогда он шел к деду и помогал ему до самого вечера, до последнего туриста. А потом, усевшись на Сфинкса, главного мула, гнал стадо в стойла, радостно хохоча и чувствуя себе погонщиком лошадей на Диком Западе.

Урок подходил к концу. Волнение Крестоса увеличивалось. Он тихонько оглядывался назад на главного заводилу класса, своего обидчика, Гектора. Толстый курносый мальчишка из далеко не бедной семьи. Самоуверенный и жестокий он считал своим долгом унижить не имеющего возмож-

ности ответить Крестоса. И сейчас, поймав на себе затравленный взгляд, толстяк злобно сжал губы и показал кулак.

Прозвенел звонок. Все дети, не слушая последних слов учителя, ринулись к выходу. Лишь Крестос вяло и медленно стал собирать вещи в ранец. Он знал, что как бы он не спешил – ему все равно не успеть. Если его захотели побить, то этого не миновать. Некая смиренность и невероятное терпение были присущи ему, еще не сломленному и не раздавленному, но близкому к отчаянию и полному отрешению от социума, оставаясь среди людей. Личность его в такое время будто существовала параллельно от всех остальных. В своих мечтах он раздавал удары обидчикам направо и налево. Он мог высоко подпрыгнуть и одним махом повалить их на землю. Но в реальности он всегда убегал. Закрывал рукой лицо, рыдал и просто бежал, оставляя позади крики и смех.

Предчувствуя новую беду, зная о ней наверняка, он уже сейчас был готов разрыдаться, забиться под стол. Но стоило оно того?

– Чего ты сидишь? – выходя из кабинета, просила учительница. – Опять раз мечтался? Все уже по домам разбежались. Давай, иди. Нечего тут сидеть.

«Может все ей рассказать? – подумал он. – Попросить защиты? Нет. Нет. Только не так. Однажды я уже пожаловался. Было только хуже. Нет. Я все стерплю. Когда-то это должно кончиться. Придет время – я стану победителем».

Крестос тяжело вздохнул, оглядел стены класса, будто

прощаясь со спокойствием, взял ранец за лямку и медленно побрел к выходу, волоча его по полу.

В глазах учительницы он был всего лишь мечтательным дурачком, не способным ответить на многие элементарные вопросы ее предмета. Он был одним из многих. Тех, в кого она вбивала знания всеми правдами и неправдами, но кого совершенно не стремилась понять.

Кристос прошел по коридору и спустился на первый этаж. Уже отсюда через открытые окна он слышал гомон многочисленных одноклассников и других, желающих поглазеть. Кристос мог бы прожить без этого, он был бы счастлив не будь в его жизни этих ситуаций. Но раз они были – теперь он был к ним готов. И пусть этого совсем-совсем не хотелось.

Он вышел на крыльцо, и толпа человек в тридцать мигом окружила его, завертела. Кристос не мог пошевелиться, зажатый со всех сторон. Его куда-то вели.

Радостно ликуя и смеясь, толпа обогнула небольшое здание школы и остановилась в тенистом дворике у сада. Дети расступились, оставляя Кристоса в центре. Кто-то вырвал у него из рук ранец. Навстречу из толпы выдвинулся пухлый Гектор.

– Ну чего, навозник! – крикнул хулиган. – О чем сегодня мечтал? Расскажи.

Он ликовал, играя на людскую публику, жадную до зрелищ в любом возрасте.

– Я не навозник, – тихо ответил Кристос, сжимая кулаки.

– Что? А кто же ты? От тебя воняет за версту. Разве нет? Ты гоняешь мулов, да? А потом в этой же одежде идешь в школу?

Толстый мальчишка сильно потел от жары и упорства, но тем не менее был бодр и горяч.

– Нет! – крикнул хриплым голосом Крестос. – У меня есть другая одежда.

– А почему же от тебя всегда воняет? – ехидно спросил Гектор.

Крестос знал, что это ложь. Он не вонял. И многие ему об этом говорили.

В горле застыл комок, глаза затянулись пеленой слез.

– Что тебе от меня надо? – сухо, едва выдавливая слова, спросил он. – Оставьте меня в покое.

Толстяк подошел ближе и занес над ним красный кулак.

– Такие как ты не должны быть вместе со всеми.

Он сильно ударил его по лицу, в челюсть. Крестос упал и тут же зарыдал, обхватив голову руками.

– Ты слюнтяй, «навозник», – крикнул над ним Гектор. – Трусливый и никчемный. О чем мечтаешь?

Он снова ударил его рукой по голове. Толпа зарычала, заулюлюкала. Гектор засмеялся и прижал его ногой, не давая подняться.

– Лежи на своем месте, навозник.

Он резко бросился на Крестоса и придавил его к земле всем телом, схватил руками за шею. Его красное лицо навис-

ло над ним. Со лба капали крупные капли пота.

С ненавистью и злобой Гектор прошипел, брызгая слюной:

– Я бы удавил тебя, но что я буду делать, когда тебя не станет? Кто будет радовать нас? Правда, ребята?

Толпа загудела, засвистела...

Откуда-то послышался громкий женский голос. Дети мигом бросились в разные стороны, уносясь кто куда. Женщина кричала на непонятном языке и быстро приближалась, но Кростос уже никого не слышал. Он лежал, продолжая закрывать руками лицо. Толстяк ослабил хватку и мигом поднялся на ноги. К нему подошла женщина в соломенной шляпе и с красной сумкой на плече. Она что-то говорила и указывала на Кростоса, явно негодуя.

– А я ничего, – развел руками Гектор, нагло усмехнулся и бросился бежать.

Глава 4

– Это твое? – Света поднесла мальчику брошенный кем-то из толпы ранец. – Как ты?

Она помогла ему подняться на ноги и с жалостью осмотрела его. Неприятное ощущение наполнило ее. Она гадко выругалась вслед убежавшему толстому мальчишке. Крестос хлюпал носом и, казалось, не обращал на нее никакого внимания.

– Он не поранил тебя? Молодца какие! Толпой окружили, а! – Света натурально злилась. Крестос молчал. Он опустил глаза и смотрел в землю.

– Держи, – она отдала ему ранец. – Иди домой, мальчик. Тебя проводить?

Она смущенно усмехнулась, видя непонимание в его взгляде.

– Sorry. Where is your home? – как могла, спросила она по-английски.⁴

Он продолжал молчать.

– Parents? Family?⁵

Мальчик поднял заплаканные глаза и пристально посмотрел на нее. Но лишь на миг. Затем громко всхлипнул, схва-

⁴ Прости. Где твой дом?

⁵ Родители? Семья?

тил ранец и бросился бежать.

– Подожди! Wait!⁶ – крикнула вслед Света, но мальчик уже скрылся за углом дома.

– Мальчишки, – вздохнула она.

«Понял ли он меня? Одно то радует, что я послужила причиной прекращения этого безобразия».

Она поправила сумку на плече и двинулась в сторону улицы, с которой так внезапно заскочила в маленький школьный дворик, услышав шум. Этот несчастный мальчик теперь не выходил из головы. За что они его так? Почему все вместе? Чем он провинился? Детская жестокость, как и радость, не знает границ, она повсеместна и, получается, одинакова всюду.

Света печально покачала головой и прошла вдоль по улочке, уходящей вверх, потом спускающейся вниз. Здесь, вдали от туристических маршрутов было тихо и безмятежно. В это время дня все городские окна были закрыты и многие местные отдыхали, предаваясь сиесте.

Она вспомнила что-то из своего школьного детства. В ее классе тоже был мальчик, которого все обижали. За худобу обзывали дистрофиком и часто после уроков не били, но скорее травили, вот так же, окружив толпой. Этот взгляд, да. Тот же самый отрешенный пустой, без обиды и ненависти, только с немым вопросом – «зачем?». Что стало с тем мальчишкой она не знала, да и имени его уже не помнила.

⁶ Подожди!

Но его взгляд она зафиксировала в памяти навсегда. И сейчас, в глазах этого греческого паренька она различила то же, что видела когда-то давно, будучи в числе тех, кто окружал толпой и травил. Ей стало грустно.

Все в жизни возвращается. Она вспомнила и свои переживания и призывы друзей, зовущих пойти с ними. Потом вечерние угрызения совести перед сном. Как бы она хотела вернуть все назад. Не участвовать в том фарсе, а повернуть все в иное русло. Помочь тому мальчику, оттолкнуть обидчиков от него и показать ему – что он в этой жизни не один. Что есть те, кто может проявить доброту и помочь ему. Ведь жизнь наверняка еще не раз явит ему свое истинное лицо, мрачное и холодное, в маске трагедии. Но она не могла поставить себя рядом с ним. Никак. Иначе ее собственная судьба сплелась бы с его воедино, делая ее самой такой же жертвой жестокости большинства.

Света спустилась вниз по улице и оказалась на утесе, усаженном домами, отелями, и церквями. Этот вид создавал ощущение лицемерия какой-то затейливой инсталляции, но никак не живого города. Белые стены, синие крыши и купола нависали над кальдерой Санторини. Над глубокой темно-синей воронкой, оставшейся от некогда величественного вулкана Стронгили, взорвавшегося более трех тысяч лет назад.

Город Фира славился своими потрясающими воображение видами, спуском на мулах прямо к пристани и скорост-

ным фуникулером. Неожиданно для себя Света оказалась среди туристических групп и в общем потоке дошла до извилистой серпантинной дорожки, напоминающей лестницу, уходящей вниз и усыпанной подсохшими на солнце навозными кучками.

«Оно».

Вскоре показались и мулы. Небольшое стадо вышло откуда-то со смежной улочки, подгоняемое невысоким стариком с роскошными седыми усами.

– Donkey, madam!⁷ – крикнул ей старик и широко улыбнулся. Вместе с тем, количество вакантных мулов быстро уменьшалось. Группа англоговорящих туристов резво рассаживалась по седлам.

– Какие же это «данки»? – ухмыльнулась Света. Но слова «мул» по-английски она не знала. – Окей, «данки», так «данки».

– How much?⁸ – спросила она, подойдя к старику.

– Five euro.⁹

– Окей, – улыбнулась она и достала купюру. Старик схватил ее и быстро исчез.

«Куда это он? Решил убежать с деньгами?»

Легкое волнение на миг затуманило разум, но старик вскоре появился с вычищенным и холеным животным, ши-

⁷ Осел, мадам!

⁸ Сколько стоит?

⁹ Пять евро.

роко улыбаясь и глядя прямо в глаза.

– It's for you. Good!¹⁰ – улыбаясь, сказал он и помог ей забраться в седло. Затем взял мула под уздцы и пошел по тропинке вниз, размахивая кнутиком. Остальные животные с восседающими на них то ли англичанами, то ли американцами также двинулись в путь. Старик что-то напевал и радостно улыбался, поглядывая по сторонам, не забывая подгонять всех, кто задумался на поворотах. Несмотря на проступающий через рубашку пот и солидный возраст, было видно, что работа радовала его. Он казался счастливым. Так мог бы выглядеть человек, знающий, что делает именно свое дело. Света порадовалась своим мыслям.

Под крики и смех англичан, под песню погонщика, Света благополучно добралась верхом до конца и, улыбаясь, поблагодарила старика. Ощущение спуска на постоянно поскользывающемся животном, идущем мерно и поступательно, оказалось просто потрясающим. Это была самая настоящая романтика, доступная всем тем, кто просто ее пожелает.

Света остановилась только возле причала, любуясь двухмачтовым парусником. На палубе суетились два матроса, натягивая канаты.

Она поняла, что совсем уже не злится на Машку. Что готова принять ее такой, какая она есть. Ведь она понимала – несмотря на всю показную уверенность в себе, на так называемую стержовность – Маша такой же запутавшийся чело-

¹⁰ Это для вас. Хороший!

век, как и она сама. Как и все остальные вокруг. Такая же жертва современности, желающая познать то, что в принципе совершенно не нужно в жизни.

«Тогда, что же нужно? Куда стремиться? Чему радоваться? Неужели достаточно всего лишь отдаться воле случая?»

– Случай – есть прямой потомок твоих настоящих деяний, – сказала она тихо вслух. Эта фраза давно сидела в голове, взятая непонятно откуда. Она давно знала и верила, что просто так ничего не бывает. Что если жизнь и дает какой-то шанс, то его прежде нужно заслужить. Нет, отдаться воле случая – это было бы неправильно. Волю необходимо воспитывать. Ведь случай, как и воля – у каждого свои. И пусть случай имеет свою волю, согласно выражению. Но если пустить все на самотек, никакая воля развиваться не сможет, и сам случай затухнет и никогда не настанет. Не будет искры.

Она покачала головой и задорно улыбнулась сама себе. Затем глубоко вздохнула, закрыла глаза, подставляя лицо солнцу и пошла в сторону станции фуникулера. Мимо милых кафе и таверн, столетних домов, построенных прямо в скале. Со всех сторон слышались голоса и смех, крики детей и плеск воды. Вдалеке протяжно прогудел круизный лайнер, а чайки с писком бросались в воду, увидев легкую добычу.

«А ведь Машка вряд ли пойдет сюда днем. Да и вряд ли она захочет оценить всю эту красоту, странную, будто застывшую в безвременье, жизнь. Здесь смешалось все – по-

гонщики мулов, осликов, старые дома, парусники, древние скалы, современные технологии в лице фуникулера, катеров и яхт. Толпа, галдящая на многих языках и наречиях. Разные и такие похожие друг на друга люди со всех концов земли примчались сюда в поисках чего-то своего. Того, что невозможно не впустить в жизнь.

Она заплатила два евро и прошла к платформе. Кроме нее на посадку никого не было. Света зашла в кабинку и автоматические двери закрылись. Она понеслась ввысь на большой скорости в стеклянной полусфере, оставляя позади Меса Ялос, пристань города Фира.

Глава 5

Кристос бежал долго. И так далеко, как это обычно бывало. Он перепрыгивал через камни и расщелины в скале, неся по самому краю утеса. Его движения были выверены и слажены. Рискуя в любой момент сорваться вниз с огромной высоты, он продолжал свой неистовый мальчишеский бег, стремясь обогнать ветер, победить его, оставить позади. Как все плохое, что было сегодня. Слезы давно высохли, оставив едва заметные разводы на пыльных щеках, все обиды и мимолетная злоба на одноклассников сгинули прочь. Он выбросил их из себя.

Теперь он просто бежал, обогнав плохое и ветер, забыв обо всем и отдавшись скорости целиком. Сейчас он был сам собой. Настоящим, коренным жителем Фиры. Он сам, его отец, дед, отец деда. Испокон веков его семья жила здесь. Эти скалы, море, даже жгучее солнце и порывистый ветер – все было его стихией, его землей.

Кристос ловко перепрыгнул очередную расщелину и остановился, переводя дыхание. Здесь он скинул с плеч ранец и положил его на землю. Он подошел к самому краю утеса и присел, потом спустил одну ногу и встал на выступ. Затем вторую. Вскоре он весь уже держался за камни и медленно спускался вниз по скале. Он знал, и это знание не подводило никогда – здесь его никто не найдет.

Опустившись обеими ногами на широкий выступ в скале, он отпустил руки и прошел вдоль утеса, спускаясь все ниже, до неглубокой выемки, способной разместить в себе десяток таких же мальчиков. Гротик. Солнце было по правую руку и висело довольно высоко. Но скоро оно спрячется за скалой и станет прохладно. Крестос сел на камень и вытянул ноги. Он подставил светилу лицо и зажмурился, широко улыбаясь. В такие моменты он был счастлив. Среди шума ветра и далекого плеска волн, среди пролетающих совсем рядом чаек – он был свободен. Он летал. Он мог мечтать бесконечно долго, не боясь чужих насмешек и бессмысленных упреков. И он мечтал.

В своих грезах он плыл на белом корабле по морю, бесконечно далеко, к горизонту. Туда, где лишь он и его желания. Туда, где не было ни Гектора, ни учителей. Куда он мог забрать только дедушку.

Неожиданно для себя Крестос вспомнил ту женщину, что помогла ему подняться сегодня. Он открыл глаза, отвернулся от солнца и недовольно насупился. Ее лицо. Что она говорила? Ему вдруг стало жутко стыдно, что он не поблагодарил ее. Она подала ему ранец, она прогнала обидчиков. Но что она говорила? Кто она?

Крестос помнил, чему учила мама, а потом и дед. Всегда нужно быть вежливым. Никогда не забывать благодарить людей, а еще лучше – отплатить сполна. Главное стремление в жизни человека, как когда-то усвоил Крестос – это сделать

больше добра, чем сделали тебе. Это был один из смыслов его настоящей маленькой жизни.

Лицо женщины, ее обеспокоенные глаза не выходили из головы мальчика. Он встал и недовольно хмыкнул. Потом в сердцах пнул мелкие камушки в сторону обрыва. Что-то нужно было делать. Но что? Ведь он был так расстроен тогда, он плакал. Что он мог ей сказать? Ведь ему было очень стыдно, что люди видят его неудачу, его унижение. Он снова опустил на камень и задумчиво посмотрел на стену слева от себя. Там красовался хорошо нарисованный мул. Кростос ясно помнил тот день, когда его нарисовал. Это был последний раз, когда он касался углем стены.

Было это год или два назад. В тот день он долго не выходил из своего гротика, увлеченно рисуя, и лишь под вечер, когда солнце уже клонилось к закату, поднялся на скалу и медленно побрел домой. Дед, необычайно обеспокоенный, спешил ему навстречу.

– Кростос, мальчик, – запыхавшись, сказал Андреас. – Пошли скорее.

– Что случилось, деда? Ты зачем бежал?

Но старик больше не проронил ни слова до самого дома. Лишь крепко сжимал руку внука и тянул за собой. Когда дверь была заперта, а сам мальчик сел на кровати напротив него, Андреас рассказал ему, что его родителей больше нет.

Позже Кростос узнал, что мама с папой погибли в автомобильной катастрофе, но тогда, после слов деда он проревел

несколько дней к ряду, не желая мириться с действительностью и не слушая более ничего.

С тех пор минуло время, и восьмилетний мальчик уже хорошо понимал, что смерть всегда ходит рядом. Она где-то здесь. Просто мы ее не видим. И она ждет. Каким-то чутьем он осознал это и принял спокойно, так, как мог это сделать только человек его возраста. Правда, для себя все же Крестос окончательно не решил – как он отреагирует, случись что с дедом. Терять его он совсем не хотел. И к пониманию о неизбежности смерти прибавлялось огромное нежелание думать о будущем. Вплоть до полного отрицания.

В свои годы он вел серьезную философскую линию, но, естественно, этого не понимал. Для него, как и для большинства детей жизнь могла протекать без лишних мыслей, если не считать покорного принятия смерти. Но ведь беззаботной его жизнь не была, и думать все-таки приходилось. Думать и выдумывать. И в отличие от иных детей, он уже мог сказать – что для него правда, а что вымысел.

Правдой был мир, где он победитель. Вымыслом казался весь суровый обиход реальности. Там, где он плачет от невозможности понять обидчиков, он быть не хочет, а там, где стоит у руля корабля – находится всегда. Пусть, конечно, все это на самом деле наоборот. Но он знал – все изменится. И произойдет это не в каком-то там будущем, нет. Это произойдет прямо здесь и сейчас. И будет всегда.

Он будет сидеть так же на камне и представлять себе пе-

чали и беды других людей, их радости, переживания. И тогда он точно сможет сделать много добра. Он сумеет помочь и дать совет. Будет способен протянуть руку и тоже поднять чей-нибудь ранец, брошенный хулиганами в пыль. Он сумеет рассказать другим людям – как не нужно поступать, чтобы остальным было плохо. Он поведаёт много дивных историй и нарисует невообразимое количество чудесных рисунков. Крестос это знал. Потому что именно сейчас, в этот самый момент, все уже было так.

Из мыслей вырвала новая тревога. Он отвел глаза от изображенного на стене мула и посмотрел в сторону горизонта. Солнце медленно пряталось за скалой, оставляя освещенной лишь половину гротика. Какое-то гнетущее чувство зашевелилось в груди. Нечто неприятное и неожиданное.

Мальчик поднялся на ноги и прошелся взад-вперед.

«Нет, – думал он, – ничего плохого нет и быть не может».

«Все хорошо. Скоро я пойду к деду, и буду водить мулов с туристами. Стану поить и кормить уставших. Все как всегда. Потом, только солнце усядется, мы разведем всех по стойлам, а сами отправимся в таверну старика Влассиса. И под его шепелявую болтовню будем есть. Дед как обычно выпьет стакан-два вина, а я могу рассчитывать на апельсиновый сок и лепешки. После мы медленно пойдем к дому. Узкими улочками, мимо шумных отелей и уютных таверн, ресторанов и уличных кафе. Мы пойдем домой, минуя смешливые толпы и влюбленные пары, любопытные взгляды и лу-

чезарные улыбки. Мы будем вдыхать ароматы ночи – цветущую магнолию и дым от печей.

Как хорошо, когда везде слышен смех. Когда, даже засыпая, слышишь его и знаешь, что все хорошо. Потому что, когда люди смеются – им хорошо, а если хорошо даже одному человеку, значит хорошо всем. Дед ворчит на шарканье ног по крыше. Но мне это нравится. Я люблю ощущение, что рядом всегда кто-то есть».

Кристос все же смог прогнать тревогу из сердца и решил немедленно покинуть гротик. Он предполагал, что когда увидит деда, ему станет намного спокойней. Ведь тот всегда умел обосновать любые беспокойства и свести их на нет.

Мальчик взобрался по скале, как обычно рискуя сорваться вниз и пропасть навсегда, поднял свой ранец, повесил на плечи и быстрым шагом направился к городу. Было бы неплохо, подумал он, встретить ту иностранку и поблагодарить ее. Кто знает, где она сейчас?

Солнце медленно клонилось к закату, а ветер становился злее. Он бил в лицо и словно преграждал путь мальчику. Будто твердил, завывая в ушах: «Не ходи никуда, не ходи». От этого немыслимая тревога становилась сильнее, и Кристос ускорял шаг.

Глава 6

Света села в машину и включила радио. Из динамиков полилась энергичная местная мелодия. Что-то ритмичное и сугубо этническое. Греческий колорит. Музыка в комплект к гомону улочек, яркому солнцу, красивым домам и бирюзовому морю. Неотъемлемое приложение к запаху мяса на гриле и аромату вина.

Действительно. В открытое окно машины откуда-то прилетел запах еды и напомнил о голоде. Она не ела с завтрака. А сейчас – Света посмотрела на часы – без четверти три. Она пожалала плечами, вытащила ключ из замка зажигания и открыла дверь. Хорошо, когда никто не ограничивает, не говорит – что делать. Можно просто взять и передумать уезжать. Пойти и усесться в каком-нибудь ресторанчике с видом на кальдеру и заказать себе уйму блюд.

Но чего она сейчас хотела?

Пробираясь узкими переулками в сторону кальдеры, Света начала осознавать, что одна. Среди множества лиц и звуков, среди сотен людей, окружающих ее, она одна. Никто не зовет с собой и не нужно самой никого звать. Нет диктата чужой воли, просьб, предложений. Как она отвыкла от этого.

В Москве, где-то там, оставалось все. Работа в постоянном непрекращающемся ритме. «Любимый» офис, «родной» коллектив. Отчетность, документация, счета. Потом

недолгий вечерний отдых в прекрасно обставленной, но такой пустой квартире. Сон. Бессмысленные выходные в прогулках с подругами или за просмотром телека. Наконец, хождения на свидания без перспектив развития отношений. И где во всем этом смысл?

«Дом все же надо любить». Ощущение прозрения нахлынуло на нее и она искренне улыбалась, не обращая ни на кого внимания. Она словно плыла, а не шла вдоль низких домов по брусчатке узкой улочки. Обратно, к виду на море. Туда, где ветер так свеж, а об остальном можно забыть. Потерять связь с миром, оставить хоть на время то, что так не привлекает и настолько далеко от истинных устремлений.

Света остановилась на перекрестке, среди потока людей, машинально оттолкнула от себя зазевавшегося старичка в белой шляпе на голове и шортах на худых загорелых ногах, в расстегнутой красной рубашке и с маленьким фотоаппаратом в руке. Затем пошла дальше, минуя небольшой мандариновый сад. Это место, его запах. Она действительно не ожидала сделать для себя такое открытие. Санторини. Еще неделю назад для нее это было только название. Кто бы мог словами передать все это?

«Ну, есть в Эгейском море маленькая группа островов на юге киклад, – думала она, – ну был тут некогда огромный вулкан. Ну и что? Сколько еще таких мест на Земле? Затерянные на фоне массивов материков и массовых направлений эти уголки являют собой сущее очарование».

Она должна поблагодарить Машу, да. Ведь именно она притащила ее сюда. Каким-то образом ей это удалось. Свете было невдомек. Взбалмошная, энергичная, если не сказать гиперактивная, Маша была полной ее противоположностью. Лишенная рассудительности, вечно ищущая приключений, она всегда была для Светы самой далекой подругой. И вот сейчас они вместе здесь. Наверное, это тот самый случай. В нужное время, в нужном месте встретились два одиночества.

Света прошла по улочке вдоль кальдеры и свернула в первый попавшийся ресторанчик, заманивающий тенью и тихой музыкой. Здесь было уютно и прохладно. Палящее снаружи солнце хоть и радовало после дождливой московской погоды, но все же на сегодня его уже было предостаточно.

Слегка сонный, но улыбочивый официант быстро принял заказ и скрылся из виду. Помимо нее в заведении сидела молодая пара. Он – кудрявый, с бородой, обгоревший нос, в солнечных очках, слегка замороченный на вид. Она красивая брюнетка с лучезарным взглядом и доброй улыбкой.

Ожидая заказ, Света задумалась, тайком разглядывая их. Кто они? Кем могут быть? Она хотела пофантазировать, но дать им конкретную характеристику на вид не могла. Даже начать с национальности.

«Похожи на итальянцев, а может восточная Европа? Польки? Нет. Точно южане, загорелые. Она такая жгучая, а он кудрявый и носатый, хоть и светлый. А могут быть и фран-

цузы. Пожалуй. А чем занимаются в жизни? Она, допустим, архитектор или художник. Это можно предположить по ее мечтательному взгляду. Возможно, она пишет в свободное время пейзажи. Или портреты. Непременно маслом. Не может обладательница такого лица быть слугой отчетов и цифр. Как, к примеру, я. Уж слишком она одухотворена. Но довольно. А он? Он, кажется, музыкант. Улыбка робкая, но искренняя. Может быть, пишет музыку и стихи, поет на улице, а вечерами играет где-нибудь в джаз-баре. А после, ночью, он пишет роман. Свой искренний порыв души помочь людям. Он жаждет творчества, как и она...»

Из раздумий вырвал официант, принесший вино. Он галантно налил в бокал из бутылки и, улыбаясь, сказал что-то по-гречески. Света улыбнулась в ответ и снова посмотрела на пару. Они не отрывали глаз друг от друга, сидели, взявшись за руки. Казалось, весь мир совершенно не волнует их. Томящее чувство наполнило грудь Светы, и она тяжело вздохнула.

«Да кто я-то сама? Намечталась? Тридцатилетняя дура! Доморощенный психолог, блин. Никакие они не музыкант и архитектор. Просто офисные клерки на отдыхе. Такие же, как большинство. Как она сама. Такие же бухгалтер и менеджер».

Они тем временем поднялись из-за стола и прошли мимо нее, продолжая упиваться друг другом. Света снова вздохнула, услышав тихую русскую речь:

– Ты ведь не откажешься от сюрприза? – спрашивал он.

– От сюрприза никогда. Ты знаешь, как я их люблю, – отвечала она. Потом были еще слова, но Света уже не слушала.

Они вышли, а для себя Света окончательно поняла, что совсем не способна определить национальность человека. Но кто знает – может эти уже давно живут в Европе. Это ведь обычное дело.

Она выбросила из головы мысли об этой парочке и устремила взор в сторону моря. Ничего. Теперь только она и свобода. Ведь уже совсем скоро ей придется сидеть в офисе за компьютером и работать, работать. За окном будет душное или дождливое московское лето, а по вечерам дома тишина и тоскливое одиночество. Истинная идиллия. Сущий рай отрешенности. Такой, каким его видят сейчас большинство.

«Люди теряют веру друг в друга – продолжала размышлять она. – Но не от того, что стали какими-то другими. Все сводится к тому, что мир вокруг, оболочка отношений изменились. Сдвинулись приоритеты. Теперь не нужно ходить в гости ко всем подряд, чтобы понять – кто друг, кто враг. Сейчас нет нужды общаться с соседями, плести интриги. Все устремилось в сторону электронных коммуникаций, туда, где будущее, где сила и прогресс, где социальные сети.

Вместо живого общения перед сном они тыкают пальцем в телефоны, вместо чтения книг в метро «листают» экраны планшетов. Все сдвигается. И это есть суть мира. Это

не плохо и не хорошо, это просто существует. Сюда относятся и настоящая вера друг в друга, которая все дальше и дальше от самих людей. Или они от нее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.